ФРОЛОВ Илья Константинович
магистрант 2 курса 421м группы
уголовно-правового направления;
9318851@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МОТИВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Проблема должностных преступлений в Российской Федерации приобретает особую актуальность. Так, по данным правовой статистики активно развиваются преступления за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Так, по статистическим данным за прошедший 2016 год прирост данной категории преступлений составил +0,9% по сравнению с 2015 годом – в отчетном периоде всего зарегистрировано 2352 преступления. Удельный вес преступлений по ст. 285 УК РФ от общего числа всех зарегистрированный преступлений в России за указанный 2016 год составил 0,11% [1]. Данная возрастающая динамика плоха тем, что должностные лица наносят вред обществу, путем использования делегированных им полномочий в своих корыстных целях.

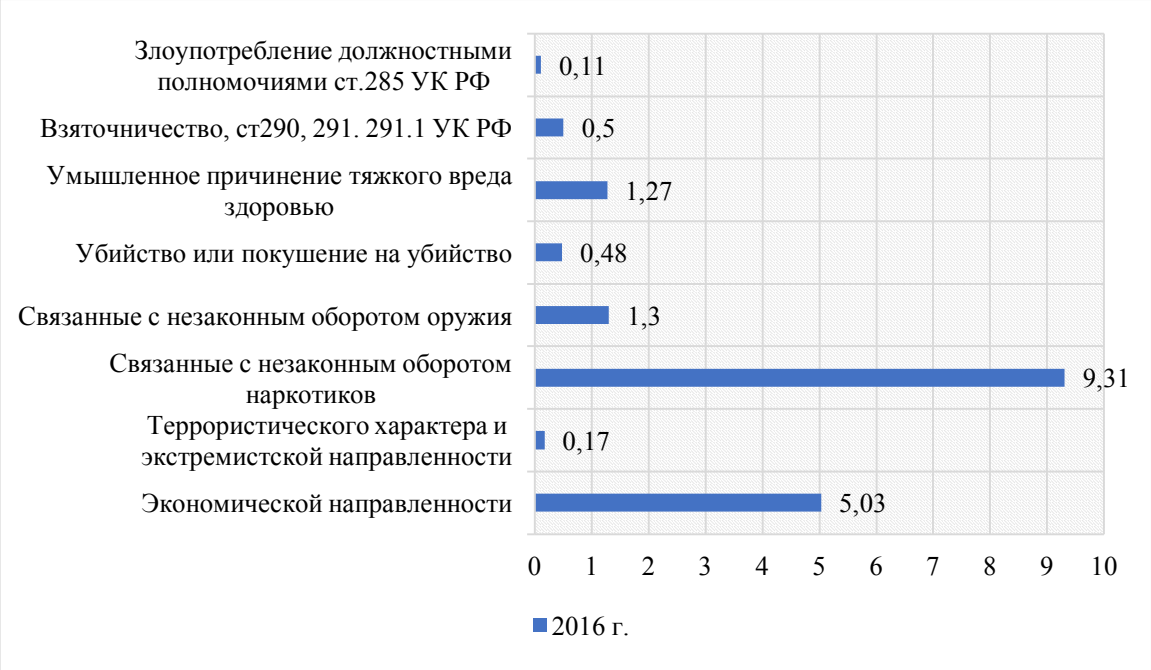

Рис. 1 Удельный вес отдельных видов преступлений от общего числа зарегистрированных преступлений, %

Так, одной из актуальнейших проблем при квалификации злоупотребления должностными полномочиями является проблема установления обязательного мотива данного преступления – корытной или иной личной заинтересованности. Для нас в данном случае интересно, что имел в виду законодатель под понятием «иная личная заинтересованность», так как новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года [2] не дает расширенного толкования данной формулировки.

Обращаясь к теории уголовного права можно обнаружить разные точки зрения по освященному вопросу. И.Ф. Кильчитский, например, рассматривает корыстную заинтересованность данного преступления с точки зрения стремления получить имущественную выгоду без незаконного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц. А иная личная заинтересованность, по его мнению, представляет собой стремление извлечь выгоду неимущественного характера [3, с.16].

Говоря о выгоде неимущественного характера, в науке уголовного права выделяют две принципиально противоположные позиции по данному вопросу. Так первая точка зрения основана на расширенном толковании мотива иной личной заинтересованности, где включено такое понятие как «ложно понятые интересы службы». Вторая точка зрения принципиально не допускает применение такого понятия [4, с.14]. Полагаем, что вторая точка зрения верная, так как в данном случае необходимо обратить внимание на высокий уровень общественно опасных последствий совершения данного преступления. А интересы службы не влекут такого преступления. Более того термин «иная личная заинтересованность» идет в логической связке с корытной заинтересованностью.

Так, Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 03.04.2017 №22-1738/2017 по делу №1-491/2016 гражданин Д., на

момент задержания проходивший службу в должности заместителя начальника <…> отдела полиции УМВД России по Невскому району Санкт-Петербургу, признан виновным в том, что, являясь должностным лицом, использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы, при этом преступление совершено из личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов гражданина (С.), а также охраняемых законом интересов общества или государства [5]. Данная позиция суда в очередной раз доказывает, что под «иной личной заинтересованностью» не целесообразно понимать интересы службы, так как по замыслу законодателя состав данного преступления идет в разрез с интересами службы.

На наш субъективный взгляд, «ложно понятые интересы службы» просто не дотягивают до того уровня общественной опасности, за которое предусмотрена уголовная ответственность, потому что состав 285 ст. УК РФ разграничивает преступление от иного правонарушения, не подпадающие под признаки преступления по наличию специального мотива корыстной или иной личной заинтересованности. Как справедливо в данном случае замечает В.Л. Андреев, при ложно понятых интересах службы деяния в осознании лица влекут позитивные для личности, общества, государства последствия, т.е. субъект реально не осознает общественно опасный характер своих действий (бездействий) в уголовно-правовом значении данного признака [4, с.14]. Данная позиция достаточно распространенная и поддержана как теорией, так и практикой, однако не является достаточно устоявшейся.

В поддержку указанной точки зрения И.Ф. Кильчицкий приводит пример Определения судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 02.03.2006, где был отменен приговор по ч.1 ст.285 УК РФ. Коллегия в определении пояснила, что желание А. повысить статистические показатели работы УВД КАО г. Омска не может рассматриваться как личная заинтересованность, так как в материалах дела имел место мотив продвижения А. по службе в результате единичного сокрытия от учета преступления. В

определении также отмечается, что имела место боязнь критики со стороны руководства, в связи с чем А. не захотел оставлять по результатам дежурства нерассмотренное сообщение о краже. В данном случае очевидно, что это не является злоупотреблением должностными полномочиями, а свидетельствует о наличии в действиях А. дисциплинарного проступка [3, с.17].

Данный пример не единственный, а данная позиция поддерживается многими судами. Предлагается безусловно расширить толкование рассматриваемой формулировки на уровне Пленума Верховного Суда во избежание ошибок при квалификации деяния по ч.1. ст.285 УК РФ в правоприменительной деятельности.